Стефани Стори

роман о соперничестве *Леонардо да Винчи*
и Микеланджело Буонарроти

КАМЕНЬ ДУЧЧО

путешествие во *Флоренцию эпохи Возрождения*,
от которого невозможно оторваться

роман

результат 20-летнего исследования в художественном произведении

18+

Оглавление

1499. МИЛАН

Леонардо. Декабрь. Милан 15

1500

Микеланджело. Январь. Рим 27
Леонардо. Зима. Мантуя 39

1501. ФЛОРЕНЦИЯ

Микеланджело. Весна 51
Леонардо 63
Микеланджело 75
Леонардо 88
Микеланджело. Август 93
Леонардо 97
Микеланджело 105
Леонардо. Осень 111
Микеланджело 118
Леонардо 128
Микеланджело 135
Леонардо 146

1502

Микеланджело. Зима. Флоренция 159
Леонардо 168
Микеланджело. Весна. Флоренция 180
Леонардо. Ноябрь. Чезена 187
Микеланджело. Декабрь. Флоренция 197

1503

Леонардо. Зима. Рим 205
Микеланджело. Весна. Флоренция 211
Леонардо 216
Микеланджело. Август. Флоренция 227
Леонардо. Осень. Флоренция 232
Микеланджело 240
Леонардо 244
Микеланджело. Декабрь. Флоренция 249
Леонардо 254

1504. ФЛОРЕНЦИЯ

Микеланджело. Зима 263
Леонардо 268
Микеланджело. Весна 274
Леонардо 276
Микеланджело 279
Леонардо 284
Микеланджело 290
Леонардо 293
Микеланджело 296
Леонардо 299
Микеланджело. Май 1504 года. Флоренция 303
Леонардо 307
Микеланджело 315
Леонардо 318
Микеланджело 321
Леонардо. Лето 326
Микеланджело 339
Леонардо 341
Микеланджело 343
Леонардо. 8 сентября 347
Микеланджело 349

Леонардо 354
Микеланджело 360
Леонардо 366
Микеланджело 369
Леонардо 373

Кода 379
Примечание автора 380

1499

Милан

Леонардо

Декабрь. Милан

Вот теперь, с близкого расстояния, он заметил, что фреска начала отходить от стены. Красочный слой уже не такой ровный, каким ему полагалось быть, а шероховатый, словно под росписью лежал тонкий слой песка. Скоро краски совсем отвалятся от штукатурной основы, рассыплются на невесомые разноцветные чешуйки и потихоньку разлетятся неведомо куда. Первыми сдадутся земляные оттенки, полученные смешением местной почвы с глиной. Киноварь, которая дает ржаво-красный цвет крови и граната, пожалуй, продержится дольше других. Но ультрамарин… ультрамарин тревожил его больше всего. Получаемый из растертой в тонкий порошок драгоценной ляпис-лазури, этот пигмент, дающий такой насыщенный глубокий синий цвет, доставляли морем из далеких восточных стран, и на местном рынке он стоил значительно дороже остальных. Несколько мазков ультрамарина — и средненькое полотно превращалось в настоящий шедевр, однако во фресковой живописи он применялся редко. Не будь ультрамарина, и эту работу могли бы отвергнуть как нечто невыразительное или, того хуже, заурядное. И вот, пожалуйста, ультрамарин на фреске уже начал растрескиваться.

— Porca vacca! — выругался он себе под нос. И ведь в этом виноват он один. Слишком далеко зашел в своих экспериментах. Впрочем, далеко заходил он во всем, что его увлекало. Левая сторона его лица конвульсивно дернулась. Он глубоко вдохнул, и искаженные отчаянием черты разгладились, к ним вернулось выражение обычной безмятежности. В самом деле, стоит ли так убиваться? Ничего непоправимого пока еще не случилось, в глазах мира фреска — по-прежнему выдающееся творение, а сам он — величайший мастер. И, отбросив горестные мысли, он обернулся к аудитории, ожидающей его увлекательного рассказа. В конце концов, они сюда явились именно за этим — услышать от великого Леонардо из Винчи о секретах его последнего произведения, фрески «Тайная вечеря».

— Один из вас предаст меня! — Леонардо возвысил голос, и звук гулким эхом раскатился под каменными сводами трапезной церкви Санта-Мария-делле-Грацие, всю северную стену которой занимала огромная фреска.

Его драматический прием пришелся по душе французским путешественникам. Ну конечно, он же для них диво, личность необычайная и загадочная. В свои 48 лет он, Мастер из Винчи, считался одной из величайших знаменитостей на всем Апеннинском полуострове. Мало того, его имя знали во Франции, в Испании, в Англии и даже в далекой Турции. Славу ему принесли изобретенные им военные машины и смелое новаторство в живописи. Чужеземные путешественники стекались в Милан со всего света, чтобы встретить великого живописца подле его знаменитой фрески, увидеть богатство сочных красок, которые, благодарение судьбе, пока еще держались на стене, рассмотреть поразительно реалистичные портреты Иисуса и двенадцати апостолов и пронизанную движением волнообразную композицию, гармонию которой поддерживала центральная фигура замершего в сосредоточенности Спасителя.

— Здесь изображено мгновение, когда обличительные слова только-только слетели с уст Христа, — продолжал Леонардо, отступая от фрески в надежде отвлечь внимание аудитории от разрушающейся росписи. — В этот момент апостолы еще не знают, что предателем окажется Иуда. Весть о том, что среди них есть отступник, низкая лживая душа, ужасает их. Их лица и жесты выражают разнообразные чувства: один вскакивает, готовый тут же, на месте, расправиться с изменником, другие в смятении воздевают руки или простирают их к Учителю, звучат тревожные восклицания. Слова Христа потрясают их до глубины души. Но кто же этот неверный? — Леонардо пытливо вглядывался в лица своих слушателей, словно высматривая предателя среди них. На самом деле он просто изучал эти лица, подмечая особенные черточки, мимику — чтобы зарисовать их в альбоме потом, когда отделается от иноземцев.

— Я где-то слышала, что Фому неверующего вы писали с себя, — игриво поинтересовалась молоденькая, соблазнительно пышная француженка; она говорила по-итальянски, смешно коверкая слова. — Однако

я не нахожу ни малейшего… э… сходства. — На этом слове ее пухлые губки сложились, словно для поцелуя.

Леонардо знал себе цену, он давно убедился: его внешность одинаково вызывала восхищение и у мужчин, и у женщин. Правда, он частенько пользовался очками — с годами зрение ослабло, но, глядя на себя в зеркало, он всякий раз с удовлетворением отмечал, что золотистого оттенка глаза по-прежнему искрились молодым задором. Его мускулистое и крепкое тело оставалось по-юношески гибким; темно-русую шевелюру, густую и курчавую, едва тронула первая седина. Раз уж публике угодно им восхищаться, будто он некое волшебное существо, надо соответствовать образу — так он рассудил однажды и с тех пор ежедневно принимал ванну и щегольски одевался, поддерживая образ успешного человека. Длинные, до колен, туники, чулки элегантных пастельных тонов и неизменный аксессуар — золотой перстень с птицей, выполненной из драгоценных камней, — большинству живописцев и за всю жизнь не заработать на такое.

Словно невзначай он скользнул взглядом по зарозовевшим грудям француженки — модный корсет подчеркивал и поднимал их, открывая взору богатство трепетной плоти. Случалось, какой-нибудь пригожий юноша или девушка ловили его заинтересованный взгляд, и тогда Леонардо приглашал их к себе в мастерскую, чтобы сделать с них несколько зарисовок. Нередко восторг от лестного внимания художника настолько кружил гостю или гостье голову, что те с радостью соглашались заодно и разделить с ним ложе.

— Это потому, что и не предполагалось никакого ressemblance, — ответил Леонардо, старательно подражая смешному акценту девушки. — Вздумай я взять за образец собственное лицо, я только и делал бы, что изображал вариации себя самого, и тогда не смог бы создавать неповторимые образы. Из-под моей кисти выходили бы лишь скучные картинки.

Слушатели засмеялись, и привлекшая его внимание юная особа тоже.

Покровители и заказчики часто пеняли ему на то, что не понимали порой, шутит он или говорит всерьез, и сейчас Леонардо решил придать голосу весомости:

— И это чистая правда.

За исключением одной мелкой детали.

Он опустил взгляд на мерцающую разными цветами птичку в перстне, который носил на левой, ведущей руке. От природы он был левшой, а среди богобоязненных итальянцев леворукость считалась неблагочестивой. Правая сторона у человека божественная, левая же обращена к низменному, порочному. Левшей издавна переучивали, дабы они не сошли с праведного пути. Отец Леонардо произвел на свет двенадцать законных отпрысков, и все они, рожденные его законными супругами, являлись правшами. Один лишь Леонардо левша, правда, ему это не возбранялось — ведь он бастард, плод любовной связи двадцатипятилетнего отца с вывезенной из Константинополя рабыней.

На фреске «Тайная вечеря» третья фигура справа от Христа — смуглолицый апостол в темно-зеленом облачении — протягивает к одному из хлебов левую руку. Это Иуда, и он тоже левша.

— Представьте, что вы часть большого семейства. — Леонардо сосредоточенно вглядывался в роспись, уже не обращая внимания на юную француженку с ее прелестями. — Вы один из двенадцати братьев, собравшихся за праздничной трапезой. Ваш родитель размещается в центре стола, стараясь поддерживать среди вас мир и порядок. Вообразите… — Он погрузился в мысли о левой руке Иуды и на некоторое время перестал замечать звуки и запахи трапезной. — Как и во всякой семье, за внешним благополучием кроются свои секреты, неведомые стороннему наблюдателю. Так и в нашу шумную и беспечную компанию близких людей затесался один, чуждый общему духу. Он среди нас, но то, что он другой, сразу не поймешь.

По традиции, сцену Тайной вечери было принято изображать так, чтобы зритель с первого взгляда заметил Иуду — его часто помещали отдельно от остальных апостолов, например по другую сторону стола. Однако, по версии Леонардо, предатель, входящий в число учеников Христа, сокрыт среди них. Единственное, что позволяло угадать в этой фигуре Иуду, — зажатый в его правой руке мешочек с деньгами.

— После слов Иисуса об изменнике апостолы приходят в страшное смятение, каждый тщетно гадает, кто же из товарищей предаст… «Этот? Или этот? А может, тот? Или, что страшнее всего, это сделаю я сам?» Пока имя отступника не произнесено, все остаются под подозрением.

Любой из нас может оказаться не тем, за кого себя выдает. Любой может быть Иудой.

Слушатели в едином порыве придвинулись к росписи, чтобы рассмотреть каждое лицо, и Леонардо застонал про себя. Он всячески старался отвлечь их внимание от разрушающейся фрески, а добился обратного — теперь они пристально разглядывали ее.

Но в этот момент дверь внезапно распахнулась и в трапезную ворвался миловидный франт лет двадцати. Гладкое ухоженное личико Джан Джакомо Капротти да Орено искажал неподдельный ужас, тщательно завитые кудри растрепались и пребывали в полнейшем беспорядке.

— Моро, сюда идет Моро!

Чужеземные гости Леонардо разом смолкли и встревоженно переглянулись, не понимая, говорил ли юноша всерьез, или он придумал этот невинный розыгрыш, чтобы развлечь их. В поисках ответа они обратили взоры на Леонардо.

— Ах, Салаи, друг мой, если ты снова вздумал шутить, то поступаешь очень жестоко с этими бедными людьми… — Леонардо прозвал своего помощника Салаи — «дьяволенок» — за неискоренимую склонность к не всегда безобидным проказам и розыгрышам, которые мастер терпел вот уже… десять лет! Неужели так долго?

— Нет, господин, я не вру. Клянусь! Герцог Моро идет сюда. И с войском!

При всей страсти к озорству актер из юного помощника Леонардо был никудышный, и тот сразу понял: Салаи говорит правду.

Услышав имя Моро, две французские дамы громко запричитали, а их соблазнительная соотечественница в страхе прижала руки к туго затянутому корсетом животу. Мужья и отцы семейств собрали вокруг себя родню, готовясь к срочному бегству. Если герцог Моро и впрямь шел на Милан, то всем, кто в эту минуту находился в трапезной, грозила неминуемая гибель.

И прежде всего Леонардо да Винчи.

В течение полувека род Сфорца правил Ломбардией, но два месяца назад французские войска во главе с Людовиком XII вторглись в столицу герцогства и изгнали Сфорца из Милана. Герцогу Лодови́ко Сфорца — прозванному Моро (мавром) за смуглую кожу — пришлось спасаться

бегством; он потерпел унизительное поражение, хотя и остался целым и невредимым. Если принесенная Салаи-дьяволенком весть о его возвращении правдива, Сфорца не пощадит никого, лишь бы вернуть себе Милан. И наибольшей опасности подвергались французы, находящиеся в городе.

Постигнет кара и Леонардо. Последние восемнадцать лет он жил и работал в Милане, оказывая услуги двору, но, когда его покровитель герцог сбежал из города, Леонардо не последовал за ним, как пристало бы истинному патриоту и верному подданному. Нет, он остался в уютных покоях, выделенных ему во дворце Сфорца, и, более того, предложил свои услуги французскому королю. Если герцог вернет себе власть, Леонардо грозит арест за измену. А как Сфорца поступают с изменниками, знают все в городе.

— Надо пойти к королю. Он возьмет нас с собой во Францию, или в Неаполь, или куда он там направляется сейчас, — спокойно произнес Леонардо, вертя на пальце сверкающую драгоценную птичку.

Салаи заметно помрачнел:

— Король уже сбежал. И прихватил с собой двор. А нас бросил на произвол судьбы.

Левый глаз Леонардо непроизвольно дернулся. Ему необходимо было подумать, все взвесить. Он снял с пояса небольшой блокнот, уселся на пол перед фреской и принялся быстро, уверенными движениями зарисовывать искаженные ужасом лица французов. На бумаге возникали скупые, но выразительные наброски гримас и жестов: распахнутые от испуга глаза, раздувающиеся в возбуждении ноздри, нервно сжатые, готовые к борьбе руки и прочие свидетельства неподдельного страха. Лишь изучая физические проявления паники, можно проникнуть в тайны человеческих эмоций, а живописцу редко выпадает шанс воочию наблюдать подобные переживания. Леонардо хотел запечатлеть не только мимику и жесты, но и шорохи многослойных дамских юбок, подавленные всхлипы, тяжелое дыхание. И если ему подвернулась такая возможность, он ни за что не упустит ее.

— Господин, прошу вас, не сейчас… — Салаи попытался мягко вынуть блокнот из рук Леонардо, но тот воспротивился. — Помощи ждать неоткуда. Надо как можно скорее выбраться из Милана.

— Чем нестись сломя голову невесть куда, лучше сесть и хорошенько все обдумать. — К тому же он должен был поскорее зарисовать эту маленькую отважную француженку именно такой, какой видел ее сейчас: голова запрокинута, стенающий рот приоткрыт, пылающая грудь тяжело вздымается. «Страх в своих проявлениях сродни экстазу», — вдруг решил Леонардо и сразу сделал себе пометку — поразмыслить на досуге о неуместном сходстве столь чуждых друг другу эмоций. Юная француженка побежала к двери, и Леонардо с сожалением проводил ее взглядом — ему уже не доведется утолить желаний, пробужденных в нем ее прелестями.

Наконец последний француз покинул трапезную, и тяжелая дверь с лязгом отсекла их от какофонии уличных звуков, вызванных всеобщей паникой и смятением.

Салаи схватил Леонардо за плечо:

— Времени нет, надо спешить!

— На то, чтобы поразмыслить, время всегда найдется, мой юный подмастерье. — Леонардо неторопливо повесил блокнот обратно на пояс.

Однако именно этого ему вечно и не хватало — возможности все обдумать, оттого он и пустился на смелый эксперимент с фреской. Да, в этом все дело. В соответствии с классической техникой фресковой живописи на стену наносится слой извести, и художник пишет прямо по влажной штукатурке. При соблюдении этих нехитрых правил роспись сохраняется на века, оставаясь неотъемлемой частью самого здания. Но эта долговечность имеет свою цену. Мастер вынужден работать быстро и без остановки, с первого раза правильно и точно воплощая свой замысел. Ибо потом, когда штукатурная основа высохнет, в живопись уже нельзя будет внести никакие правки. Однако быстро и без остановки — это не о нем. У Леонардо была своя манера, он любил делать паузы, тщательно продумывая и представляя себе каждую деталь. Сколько раз он, принимаясь за работу, на какое-то время оставлял ее, а затем, переосмыслив, начинал заново! Кроме того, многие его любимые цвета — скажем, тот же ультрамарин — приготовлялись из минералов, несовместимых с известью. Поэтому он и разработал собственную технику фресковой живописи, которая как нельзя лучше подходила к его стилю. «Тайную вечерю» он писал темперой (краской,

замешанной на яичных желтках) прямо по сухой стене, грунтованной особым составом. Благодаря этому он смог применить столь любимые им минеральные пигменты: ультрамарин, киноварь и даже искрящийся зеленовато-синий азурит. Но важнее всего то, что новая техника, в отличие от канонической росписи по влажной штукатурке, позволяла изменять уже сделанный рисунок всякий раз, когда художника осеняла более интересная идея, — дни, недели, месяцы, а то и годы спустя. Взять хотя бы тот случай, когда, работая над «Тайной вечерей», он целых три дня размышлял, прежде чем нанести один малюсенький мазок умбры на правое запястье Христа.

Салаи помог Леонардо подняться на ноги:

— Господин, я уже упаковал ваши альбомы, рисунки и прочие бумаги. — Он показал на тяжелую суму, длинный ремень которой проходил наискосок через его грудь. — Все остальное придется бросить, — вздохнул юноша.

Леонардо обернулся к «Тайной вечере». Да, краска растрескивается, сомнений нет. И он уже не сумеет спасти гибнущую фреску.

— Все в порядке, Салаи. — Он кивнул помощнику, успокаивая не столько его, сколько себя. — Заблуждается тот, кто вечно цепляется за имущество. Уж кому как не нам, художникам, знать, каково это — расставаться со своим творением. Впрочем, художественные произведения принадлежат не творцам, а заказчикам. Да и разве бывают завершенные картины? Работу над ними нельзя окончить — можно только бросить.

Они направились к выходу. Вдали уже грохотали пушечные залпы. На улице царило форменное светопреставление. Вооруженные всадники скакали прочь из города. Челядь сбежавшего французского короля и горожане в судорожной спешке бросали свои пожитки в экипажи и повозки. Порывы неистового ледяного ветра вздымали тучи пыли, и она окутывала город грязно-бурой пеленой. Милан, изысканная и блестящая северная столица, погружался в анархию. На площади, посреди этого вселенского ада, лишь одна фигура замерла без движения: какой-то французский солдат, задрав голову, пристально вглядывался в глаза исполинского, впятеро выше человеческого роста, глиняного коня.

Конь должен был служить моделью для самой большой в мире бронзовой конной статуи, которую Леонардо заказал Моро, желая

почтить память своего отца, герцога Франческо Сфорца. Эту великолепную скульптуру поэты воспевали в стихах, путешественники съезжались со всего света, чтобы поглядеть на нее, надеясь потом вернуться и полюбоваться на произведение, отлитое из бронзы. Увы, Леонардо так и не довел этот заказ до конца — Моро перелил заготовленную для статуи бронзу в пушечные ядра. А французы, захватив Милан, превратили глиняное животное в мишень, чтобы упражняться на нем в стрельбе подожженными стрелами и отрабатывать удары булавами. Ему уже отбили ухо, часть носа и большой кусок крупа. Будь бедный конь живым, он давно погиб бы от подобных надругательств, а выполненный из глины, хотя и с многочисленными дырами в боках, все еще стоял.

— Пора, господин. Больше нельзя медлить. — На другой стороне улицы Салаи споро седлал лошадей для себя и Леонардо.

Но художник словно прирос к месту. Он не мог отвести глаз от французского солдата, видимо, поглощенного молчаливой беседой с грандиозным животным. Леонардо тешил себя надеждой на то, что в этот час всеобщего смятения его творение наполняло душу молодого воина миром и покоем. Француз медленно вытащил из ножен длинный меч, и Леонардо представил, как тот сейчас сложит оружие к подножию статуи — в знак капитуляции перед мощью его, Леонардо, искусства. Но солдат высоко взмахнул мечом и с криком: «Смерть Сфорца!» — обрушил его на переднюю правую ногу благородного животного. Сталь, гулко лязгнув, раздробила глину. Казалось, что конь устоит и на этот раз, но он вдруг пошатнулся, завалился всей массой вперед и с грохотом разбился о камни мостовой.

— Нет! — вне себя вскричал Леонардо. Четыре долгих года он вынашивал замысел этой великолепной скульптуры. Четыре года не спал ночами, грезя о том, как отольет ее из бронзы и как творение рук его предстанет перед публикой во всем блеске…

До сего момента ему неизменно сопутствовал успех. Однако ныне большинство его сверстников уже покинули этот мир, недалек и его час. Что он оставит после себя? Детей, которым он мог бы передать свое имя, у него не было. Чуть не половина его живописных работ осталась незаконченными. Другая часть творческого наследия, в том числе портрет метрессы герцога Моро, украшала частные гостиные и вряд ли

когда-нибудь будет выставлена на обозрение публики. Впрочем, есть еще множество брошенных на полдороге изобретений да стопки альбомов с разрозненными зарисовками… «Тайная вечеря» отваливалась от стены, и он только что видел собственными глазами, какая судьба постигла его творение, обещавшее стать несомненным шедевром. Пролетят годы, и вспомнит ли кто-нибудь о нем, о Леонардо — живописце, скульпторе, инженере и изобретателе из жалкого городишки под названием Винчи?

— Леонардо! — громко окликнул его Салаи, уже вскочивший в седло.

Художник нехотя отвернулся от глиняных останков коня и стал пробираться через толпу на другую сторону улицы. Он приехал в Милан, когда ему было тридцать; тогда он только-только заявил о себе как талантливый инженер, ученый, изобретатель, устроитель масштабных празднеств и, разумеется, живописец. Здесь, в Милане, он вырос в зрелого мастера. И всегда был уверен в том, что будет жить в этом великом городе до конца своих дней… Леонардо вскочил в седло и кивнул Салаи. Они бок о бок понеслись прочь, за пределы защитных стен Милана, к его пустынным окрестностям. Никто не знал, что уготовила судьба этому прекрасному городу и несчастному полуострову, раздираемому войнами, которые без остановки вели короли, герцоги и папы, желая откусить ломоть побольше. И никто не знал, что ждало впереди Леонардо. Ясно было лишь одно: Мастеру из Винчи пришла пора найти новое пристанище и нового покровителя, у него появился шанс начать новую жизнь и создать новое наследие.

1500

Микеланджело

Январь. Рим

Томясь в ожидании момента, когда со скульптуры торжественно снимут скрывающий ее полог, Микеланджело Буонарроти чувствовал, как пол плывет под его ногами. Перед глазами плясали черные точки, окружающий мир затуманивался и темнел. Он быстро осмотрелся, пытаясь сориентироваться в пространстве, но мраморные колонны, массивные деревянные балки потолка и позолоченные фрески завертелись вокруг него. Он, казалось, полетел вниз и в поисках опоры привалился к холодной каменной стене.

Попробовал выровнять дыхание. Черные точки стали медленно рассеиваться…

До сих пор ни одна его скульптура не открывалась при таком скоплении публики. Даже если не принимать во внимание место, в котором все происходило, этот момент — самый важный, ответственный в его творческой жизни. Впрочем, и место действия непростое — крупнейшая святыня всего христианского мира, базилика Святого Петра*.

Как же печально, думал он, что старенькая трехъярусная базилика дошла до такого жалкого состояния. Несчастная вот уже двенадцать столетий не знала ремонта. Стрельчатые своды деревянного потолка вдоль западной стены того и гляди обрушатся, несколько колонн уже пошли трещинами. Какой-то незадачливый каменщик кое-как возвел стену, чтобы укрепить конструкцию, но потолок с одной стороны продолжал осыпаться. Сквозь щели свистел ветер, мраморные плиты на полу были выщерблены, многие и вовсе исчезли. И все же в рушащейся базилике — он это чувствовал — еще обитала душа.

В это утро Ватикан заполонили толпы паломников. Год был юбилейный, и по этому случаю папа даровал отпущение любых грехов всякому входящему под эти своды. Тысячи верующих устремились

---

* Речь идет не о нынешнем соборе Святого Петра, а о церкви, построенной в 326 г. при первом христианском императоре Константине. *Прим. пер.*

в Рим вознести молитвы и покаяться. А сегодня в капелле Святой Петрониллы им посчастливится присутствовать при торжественном открытии скульптуры, выполненной молодым неизвестным мастером.

Микеланджело верил в то, что изваял нечто выдающееся, но одной его уверенности мало — нужно было посмотреть, тронет ли его работа сердца публики. Через несколько мгновений его либо признают блестящим художником, либо отвергнут как полного неудачника. Он засунул руки в глубокие карманы туники. В каждом на дне скопилось по горсти мраморной пыли. Он зачерпнул ее и стал ласково перетирать между пальцами. Этот нехитрый ритуал всегда помогал ему успокоиться.

Двадцатичетырехлетний Микеланджело знал, что со стороны выглядит неотесанным мужланом — он был невысокий, кряжистый и необычайно мускулистый благодаря годам постоянной работы с мрамором. Волосы черные, жесткие и курчавые, руки грубые и мозолистые, нос несколько расплющен посередине — след от детской драки с другим подмастерьем, взревновавшим к его таланту. Впрочем, Микеланджело мало заботило мнение окружающих о его наружности. Он и сам о ней не беспокоился, мылся не чаще раза в месяц и одевался как обычный работяга-каменотес — в длинную льняную тунику, широкие штаны и тяжелые башмаки. Однако, как ему не раз говорили, его карие глаза светились столь неистово, что большинство встречных не замечали ни убогости его одеяния, ни исходящих от него запахов. Его страсть очаровывала и захватывала всякого…

Настоятель базилики Святого Петра, подметая подолом длинного черного одеяния мраморные плиты, пробирался к нему сквозь толпу паломников. Едва не ткнувшись в ухо Микеланджело длинным, словно птичий клюв, носом, настоятель прошелестел:

— Готов ли ты, сын мой?

Микеланджело попытался ответить, но горло перехватило, и он лишь кивнул.

Настоятель скороговоркой пробормотал слова благословения, и на лбу и верхней губе скульптора выступила испарина. Священнослужитель взялся за веревку, которой был обвязан скрывающий изваяние полог, и в ушах у Микеланджело зазвенело. Все еще держа руки в карманах, он крепко сжал в кулаках мраморную пыль — так, что

ногти вонзились в ладони. Вполне вероятно, что публика не примет скульптуру. Невежества, разве они смогут понять ее? Чего доброго, поднимут на смех, станут выкрикивать проклятия в адрес его творения, а заодно и его самого.

Настоятель потянул за веревку, развязывая узел.

Тяжелый черный полог сполз на пол, и взорам толпы открылась огромная мраморная Дева Мария, держащая на коленях тело своего сына, распятого Христа. Мать самого Микеланджело умерла в очередных родах, когда тому было шесть лет. Он второй из ее пятерых сыновей, и изнуренная постоянными беременностями мама не имела сил на то, чтобы окружить его лаской и вниманием, к тому же первые два года жизни он провел с кормилицей, что по тем временам было в порядке вещей. И хотя мать находилась где-то на периферии его детской жизни, он сильно горевал, когда ее не стало. Этой скульптурой Микеланджело постарался выразить ту пронзительную, до сих пор сосущую его душу боль: мать и сын, одинокие в своей скорби, заточенные в камне, как будто сотканном из света и тени, навеки связанные друг с другом и навеки же разделенные. Искусно отполированный белый мрамор словно светился изнутри. Безжизненное тело Христа было распростерто на коленях матери. Его кожа еще хранила следы жизни, которая, кажется, только что пульсировала под ней. Одеяние Марии спадало глубокими складками до самого пола; ее безмятежное лицо выражало покорность божественному предназначению.

Впервые перед публикой предстала Микеланджелова Пьета́ — Оплакивание Христа.

Толпа между тем хранила молчание. Мастер обвел взглядом пустые, ничего не выражающие лица, тщетно гадая, какие мысли и чувства скрываются за этими глухими фасадами человеческих душ. В голове его стоял тяжелый гул, дыхание то и дело прерывалось, грудь сдавливало от неимоверного волнения.

Два года назад, когда французский кардинал Жан Билэр де Лагрола заказал высечь из мрамора Пьету для своего надгробия, у Микеланджело уже были готовы несколько скульптур, над которыми он работал ради самосовершенствования, а одну из них — выполненную в человеческий рост статую Вакха — он даже продал. Но он еще никогда не получал

столь ответственного заказа. Несмотря на неопытность, он письменно пообещал изваять самую прекрасную скульптуру из всех, что когда-либо создавались в Риме. И работа над изображением скорбящей матери приближала его к заветной цели — стать великим ваятелем.

Два года он до изнеможения трудился над громадным блоком мрамора, порой забывая о сне, отдыхе и пище. В первую зиму он заболел, но даже жестокая лихорадка не заставила его прерваться. В тот год кардинал Билэр частенько наведывался к нему в мастерскую — посмотреть, как продвигается работа, — и неизменно хвалил постепенно проступающие из камня очертания. Но вскоре старенький кардинал умер. Увы, он так и не увидел готовой скульптуры, так и не благословил ее. И теперь этой толпе незнакомцев предстояло решить, удалось ли ему, Микеланджело, создать нечто выдающееся или нет…

Уже несколько мучительных мгновений прошло с тех пор, как с Пьеты соскользнул полог, а толпа по-прежнему в безмолвном оцепенении взирала на его творение. Микеланджело еще сильнее вонзил ногти в ладони.

И вдруг какой-то рыжеволосый паломник с возгласом: «Grazie mio Dio!» — рухнул на колени.

Следом молодая мать, подхватив двоих малышей, упала на пол и принялась молиться. И вскоре все присутствующие начали воздавать хвалы Господу. Одни рыдали, другие пели псалмы, третьи прочувствованно бормотали слова восхищения, иные же застыли, будто изваяния, завороженные совершенной красотой скульптуры.

Микеланджело создал свой первый шедевр.

На него нахлынуло невероятное облегчение. Черные точки окончательно исчезли, зрение прояснилось…

Когда он был совсем крохой, родители отдали его на воспитание в семью кормилицы, жены каменотеса, проживавшего в деревеньке Сеттиньяно, в окрестностях которой находился мраморный карьер. Он провел здесь несколько лет после рождения и вновь вернулся после смерти матери, в шестилетнем возрасте. Среди его первых воспоминаний — сильные, крепкие мужчины, вырезающие из скалы огромные глыбы мрамора, звон металлических молотков о камень и привкус мраморной пыли на языке. Проведший детство среди каменотесов,

вскормленный молоком жены одного из них, он заразился неутолимой страстью, даже одержимостью мрамором. Он посвятил скульптурному искусству всю жизнь, не обзавелся ни женой, ни нареченной, ни детьми, ни увлечениями. И теперь настал момент пожинать первые плоды этой одержимости.

— Кто же изваял эту скульптуру? — спросил один паломник у другого.

У Микеланджело перехватило дыхание. Сладостная дрожь побежала по позвоночнику — сейчас его имя будет произнесено вслух. Сейчас, вот-вот это произойдет!

— Так это ж Гоббо, ну, горбач из Милана, — услышал он чей-то ответ.

Микеланджело перестал дышать. Что такое говорит этот человек?!

И прежде чем он смог хоть что-нибудь предпринять, чтобы исправить жуткую ошибку, названное имя понеслось по толпе, как несется по тосканским равнинам полноводная после сильного дождя река Арно. «Гоббо, Гоббо, Гоббо…» — передавалось из уст в уста, порхало над головами, и вот уже голоса слились в единый хор восхвалений Гоббо, этого горбатого резчика по камню, посредственности, чьи работы статичны и сработаны так топорно, что выглядят почти бесформенными. Гоббо, которому не хватило бы способностей даже на то, чтобы высечь постамент для его Пьеты! Он, Микеланджело, всю жизнь трудился как про́клятый, пытаясь своим искусством увековечить родовое имя, а эти глупцы приписывают выстраданный им шедевр ленивому бесталанному нечестивцу Гоббо.

Когда Микеланджело еще только готовился появиться на свет, его мать упала с лошади, и та несколько ужасных минут волочила беременную женщину по земле. Осмотрев ее, лекари в один голос заявили, что дитя в ее утробе не выживет, но он по неведомой причине уцелел. В ознаменование чудесного рождения родители нарекли его особенным боговдохновенным именем — Микеланджело, что означало «хранимый архангелом Михаилом».

Для того ли Господь спас его, дал ему редкое и звучное имя, зажег в нем неизбывную страсть к резьбе по мрамору, чтобы всю его славу приписали этому шарлатану Гоббо?!

От бешенства у Микеланджело закружилась голова. Капелла снова начала неистово вращаться, потолок и пол уже были готовы поменяться

местами. Где же настоятель? Всего одним словом он мог бы остановить это безумие, указать на истинного создателя прекрасной скульптуры. Микеланджело тщетно вглядывался в толпу: настоятеля нигде не было видно. Требовалось срочно что-то придумать, как-то утвердить свое авторство, чтобы никто и никогда больше не посмел усомниться в том, что это его работа, только его. Но как, как?

И вдруг в голову пришла спасительная мысль, настолько превосходная, что, кажется, ее послали сами небеса: надо подписать скульптуру — высечь свое имя на самой Пьете, и тогда его лавры точно не достанутся никому другому.

Правда, имелась одна небольшая проблема: Пьета ему больше не принадлежала. Ею владела базилика Святого Петра. И он не мог начать резать здесь камень, будто у себя в мастерской. Кто-нибудь наверняка заметит и поднимет шум, чего доброго, еще отдадут его под арест. Нет, так не пойдет. Высечь свое имя на уже готовой скульптуре можно только тайком, под покровом глубокой ночи, когда верующие разойдутся, а священнослужители отправятся спать, заперев двери базилики на замки.

И чтобы проделать это, Микеланджело был готов нарушить установления Ватикана.

Микеланджело осторожно выглянул из своего укрытия — он прятался за массивным надгробием в обветшавшей капелле. Он пролежал здесь несколько часов, боясь пошевелиться. Наконец все стихло, погрузившись во тьму. Он велел себе не думать о том, что с ним сделают, если поймают за порчей церковного имущества. Им двигала благородная цель — он хотел защитить честь своего имени и ради этого согласился бы пойти на любой риск.

— Господи, прошу, прости меня, — шептал он, тихонько выбираясь из-за надгробия и неслышно пересекая темное пространство нефа. Он скинул башмаки, чтобы звук шагов не нарушил безмолвие церкви, и крепко прижал к себе перекинутую через плечо суму с инструментами, дабы те не звякали.

В капелле Святой Петрониллы зыбкий лунный свет играл на Пьете нежными голубоватыми переливами. Сколько же недель он не имел возможности остаться с Марией и Иисусом наедине? Все последнее

время, пока он готовился к торжественному открытию, вокруг него вечно кто-то околачивался: то святые отцы, то паломники. И сейчас, в безмолвной церкви, он слышал, как тихонько вздыхает мрамор. Так уж у него повелось с первых дней: когда он работал резцом, мрамор говорил с ним, и в этой беседе рождалось неповторимое единение душ человека и камня. Пьета что-то рассказывала, нараспев декламировала псалмы, пела песни — в любое время дня или ночи. И теперь они снова вместе, одни, и радовались, словно старые друзья после долгой разлуки. Он открыл суму и разложил на полу инструменты — по капелле разнесся громкий перезвон.

— Cavolo, — прошипел сам на себя Микеланджело. Задержав дыхание, он вслушался в тишину, напрягся в ожидании того, что сейчас кто-нибудь прибежит и увидит его. Но все было тихо, лишь ветер посвистывал сквозь трещину в стене. Уф, похоже, лязг инструментов не нарушил ничьего покоя.

Он взял молоток и резец и вскарабкался на постамент Пьеты. Из-за черных точек перед глазами повисла зернистая пелена, он почти ничего не видел. Но что с того? Он трудился над скульптурой два долгих года и помнил наизусть все до одной мельчайшие прожилки мрамора.

Микеланджело нежно провел руками по камню, пальцы легко нашли перевязь, сбегающую через левое плечо на грудь Мадонны. Установил, отведя слегка назад и влево, резец и занес молоток, собираясь с духом для первого удара.

Он знал: ему нельзя останавливаться, он не должен оставить недописанной ни одну букву. Если уж сделал хотя бы зарубку на гладко отполированной поверхности камня, изволь довести дело до конца, а иначе просто погубишь свой шедевр.

Удар. Молоток звякнул о резец. Тот в свою очередь гулко стукнул по мрамору. Эхо прокатилось по похожей на пещеру церкви. Господи, он и не ожидал, что звук будет таким громким. В груди разлился холодный липкий страх, но останавливаться было уже нельзя.

Лязг, стук, лязг, стук, лязг, стук…

Тончайшая мраморная пыль, закручиваясь в спиральки, оседала на его волосах и одежде. Пот смешивался с ней, тягучая едкая грязь затекала в глаза, больно обжигая.

Просветленная Мадонна взирала на него сверху. Он опустил молоток. Тишина обступила его, пока он ожидал от Марии порицания за то, что дерзнул вонзить резец в ее грудь. Пусть все считали мрамор лишь бесчувственным холодным камнем — он-то, Микеланджело, доподлинно знал: это живая материя, и под ее холодной поверхностью, как под кожей человека, бились токи жизни. Он стал что-то нашептывать Марии, как делал всегда, даже не отдавая себе отчета в том, о чем шепчет, изъясняясь с ней на языке камня.

Вдруг его ухо уловило едва слышный шелест, глаз поймал мимолетное движение. Может, это грызун пробежал через неф? Или где-то наверху птица застряла в стропилах? Или облако наползло на диск луны? И тут он заметил очертания тускло освещенной фонарем фигуры, скользящей через дальний от капеллы боковой придел. Так он и знал: настойчивые удары его инструмента разбудили кого-то из священников.

Микеланджело скатился с постамента и нырнул в ближайшую нишу, отчаянно надеясь на то, что ее густая тень скроет его. Он оглянулся, и сердце его ушло в пятки.

Инструменты! Они разложены у постамента. Совершающий обход священник сразу поймет, что в капеллу пробрался незваный гость. И если он попадется, пощады не будет — его отлучат от церкви, подвергнут пытке, четвертуют или повесят. За такой грех папа предаст его вечной анафеме, и будет гореть его содранная шкура в Дантовой преисподней до скончания времен.

У него не было и секунды на то, чтобы забрать с пола предательски поблескивающие инструменты. Священник обходил каждый придел церкви и быстро приближался к капелле, где затаился Микеланджело. Ему казалось, что его страх осязаем, что кровь в его висках бухает, подобно молоту. Микеланджело глубоко вдохнул и задержал дыхание.

Священник уже обошел дальний край апсиды и по трансепту направился в его сторону. Он плавно поднимал фонарь, освещая каждый темный угол. Микеланджело в смятении считал его шаги, которые пока отделяли его от неминуемого разоблачения.

Вот служитель вступил в капеллу Святой Петрониллы. Микеланджело смог разглядеть под капюшоном его лицо — сурово насупленное, с отвисшей морщинистой кожей.

Старик остановился перед скульптурой. Взгляд его неумолимо двигался в направлении изобличающей улики. Микеланджело еще глубже вжался в нишу и стукнулся макушкой о висящую над ним маленькую металлическую полку. Полка заскрежетала по камню стены.

Священник повернул фонарь в направлении звука. Свет рассек темное пространство капеллы, готовый выхватить из него лицо Микеланджело. Тот зажмурился. Волна источаемого фонарем тепла коснулась его кожи. Сейчас раздастся гневный рык смотрителя… Но нет. Теплая волна прошла чуть выше, над его головой. Микеланджело осторожно приоткрыл один глаз — как раз в тот момент, когда шустрая крыса метнулась из-под обутых в сандалии ног священника. Тот вскрикнул и махнул на тварь фонарем:

— Ох уж эти крысы!

Крыса юркнула в темноту. Старик медленно осмотрелся, и, похоже, увиденное вполне удовлетворило его. Желая поскорее убраться из церкви, дабы не наступить на еще одну крысу, он поспешил прочь и через мгновение растворился в черноте ночи.

Микеланджело снова был один. Со всхлипом он набрал полные легкие живительного воздуха.

Не иначе как сам Святой Дух наслал на сурового ночного стража крысу, чтобы тот поскорее убрался отсюда. Значит, Господь не оставлял его своей милостью, снова благословлял его самого и его творчество.

Микеланджело выбрался из укрытия и возобновил работу. Бдительный ночной страж время от времени обходил помещения церкви, но Микеланджело всякий раз успевал проскользнуть в укромную нишу и избежать беды. Зная, что он под надежной божьей защитой, он теперь тщательно обдумывал витиеватый рисунок каждой латинской буквы, составляющей его автограф на скульптуре, и даже потратил лишний час на то, чтобы любовно отполировать латинскую надпись: Michael Angelus Bonarotus Florent Faciebat. «Микеланджело Буонарроти флорентиец исполнил это».

Ему удалось завершить работу и укрыться за надгробием в ветхой капелле за какие-то минуты до того, как кардиналы начали собираться на совместную утреннюю службу — они имели возможность помолиться

и пообщаться в узком кругу до того, как церковь распахнет двери для верующих мирян. Служба длилась уже несколько минут. И вдруг Микеланджело услышал, как по рядам собравшихся прошелестел возбужденный шепот. Однако он не стал выглядывать, страшась разоблачения, наоборот — еще больше затаился, выжидая удобного момента, в который смог бы незамеченным покинуть свое убежище.

Служба закончилась, священнослужители распахнули центральные двери, приглашая паломников войти. Микеланджело подождал, пока базилика заполнилась верующими, выскользнул из-за надгробия и смешался с толпой. Хорошо, что его одежда запылилась, пока он работал! Теперь он ничем не выделялся из массы людей, многие из которых пришли сюда прямо с дороги, покрытые с ног до головы дорожной пылью.

Проходя мимо Пьеты, он замедлил шаг, вслушался в приглушенные разговоры. Паломники пробовали на язык странное, прежде никогда не слышанное имя. «Микеланджело Буонарроти», — передавали они тем, кто стоял в отдалении. Лицо Микеланджело вспыхнуло от гордости.

— Когда-нибудь ты усвоишь, что твое искусство должно говорить само за себя.

Микеланджело резко обернулся на голос. Рядом с ним шел Якопо Галли, состоятельный римский банкир. Именно Галли порекомендовал его кардиналу Билэру, когда тот подыскивал скульптора для Пьеты. Микеланджело искренне обрадовался тому, что добрый друг стал свидетелем его триумфа.

Якопо кивком указал на Пьету.

— Но в то же время я полагаю, что он, увидев ее этим утром, и правда… — Якопо сделал паузу, словно смаковал каплю меда на языке, — был изрядно впечатлен.

— Кто, кто ее увидел?!

— Папа, разумеется.

Микеланджело остолбенел. Верно ли он расслышал? Или Якопо вдруг решил подшутить над ним? Папа Александр VI славился властолюбием, лихоимством, а также неуемными сексуальными аппетитами. Тем не менее он являлся почитаемым главой католической церкви и стоял к небесному престолу ближе прочих смертных. Похвала из уст папы равносильна похвале, посланной самим Богом.

— Его святейшество пожелал увидеть твою Пьету в частном порядке, не обременяемый толпами паломников, — объяснил Якопо, приветствуя жестом какого-то кардинала, остановившегося неподалеку. Галли водил знакомства и дела со многими вышестоящими. — Настоятель пригласил и меня, рассчитывая на то, что я сумею превознести твои талант и трудолюбие как полагается…

Так вот в чем крылась причина легкого замешательства среди кардиналов, нарушившего утреннюю службу! Оказывается, сам папа почтил своим присутствием их собрание.

— И что же он сказал?

— Похвалил ее красоту. Сказал, что она подвигает его душу к богоугодному милосердию. А все мы знаем, какое это нешуточное дело для нынешнего святейшества. Он даже посмеялся над твоим самолюбивым желанием подписать работу, сказал, что этим ты напоминаешь ему Чезаре…

У Микеланджело неприятно засосало под ложечкой. Чезаре Борджиа — незаконный сын папы, отъявленный проходимец. С малолетства предназначенный для церкви, он получил достойное воспитание и уже в восемнадцать лет был возведен в сан кардинала. Однако посмел отвергнуть кардинальскую шапку — впервые в истории. Возмутительная непокорность, по мнению Микеланджело. Хуже того, ходили упорные слухи о том, что Чезаре убил своего брата, вступил в греховную любовную связь с собственной сестрой и умертвил из ревности ее мужа. Сейчас он командовал папскими войсками, проливал реки крови по всему полуострову, пытаясь вернуть к повиновению взбунтовавшихся папских вассалов. Сравнение с пресловутым Чезаре Борджиа — отнюдь не комплимент, разве только оно не исходит из уст самого его родителя, папы.

— Папа сказал, что ты дышишь энергией страсти, — продолжал Якопо, — что в твоей самонадеянности есть что-то… притягательное — так, кажется, он изволил выразиться. Он сказал… погоди, попробую вспомнить в точности его слова…

Ожидая продолжения, Микеланджело боялся вдохнуть, он замер на месте, нервно вцепившись в ремень своей кожаной сумы.

— А, вот… Он сказал: «Думаю, этот Микеланджело Буонарроти еще покажет себя». И прозвучало это в том смысле, что если и дальше

так пойдет, то его святейшество, вероятно, соизволит заказать тебе что-нибудь. Грандиозная перспектива, согласись? Работать на самого папу…

Микеланджело упал на колени.

Четыре года назад он прибыл в Рим, окрыленный надеждой сделать себе имя в древней столице. Вечный город будоражил его воображение. Античность! Погребенные под вековыми наслоениями творения древних мастеров одно за другим являлись миру в результате раскопок. Мраморные колонны и триумфальные арки были уже наполовину очищены, их тронутые разрушением верхушки гордо возвышались над раскопами — как памятники гению творцов прошлого. Ежедневно очередное строение, статуя или артефакт восставали из недр земли, из глубины времен. Старый Римский форум манил к себе начинающих мастеров, желающих изучать, впитывать, копировать искусство древних, подражать их стилю. Однако, несмотря на величие этих дивных памятников, Рим разочаровал Микеланджело. Когда-то блестящая столица могущественной империи, этот город, казалось, ужался до размеров небольшого поселения, выглядел грязным и запущенным, кишел проститутками, попрошайками, ворами и прочим сбродом. Тела казненных преступников неделями разлагались на виселицах как предостережение всякому, кто замыслит преступить закон. Микеланджело, привыкшего к утонченному великолепию Флоренции, эта выставленная напоказ грубая животная изнанка Рима неприятно покоробила. Едва прибыв сюда, он готов был тут же отправиться назад, и лишь осознание того, что он не может вернуться домой побежденным, удержало его. Не он ли хвастливо клялся родным, что добьется в Риме величия? Так что возвратиться во Флоренцию он должен был либо в сиянии славы, либо никак.

Но даже в своих самых смелых мечтах о триумфе он и вообразить не мог, что удостоится похвалы от папы.

— Его святейшество что, знает мое имя?

— Ну конечно, — ответил Якопо, за руку поднимая на ноги коленопреклоненного Микеланджело. — Паломники разнесут весть о тебе и о твоей Пьете по всему полуострову и даже за его пределами расскажут о ней варварам. Например, эти французы…